

ПЕРЕКЛАД ЯК ДЖЕРЕЛО ЗІСТАВЛЕННЯ

К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИМОСТИ ПЕРЕВОДА (на материале стихотворения Р. М. Рильке “Wir sind nur Mund”)

АЛЬМЯШОВА Л. В.

Кемеровский технологический институт пищевой промышленности

Настоящая статья посвящена вопросу перевода и сопоставления, т. е. вопросу о том, в чем переводной текст должен совпадать с исходным текстом и в чем может не совпадать. Важнейшими параметрами для сопоставления текстов оригиналов и переводов являются их структура, семантика (содержание) и потенциал воздействия на мыслительную деятельность, эмоции и т. п. адресата.

Предметом исследования является переводной русскоязычный текст, наиболее подробно исследуется сопоставление одной из образно-тематических групп, репрезентированной словом сердце в русскоязычном тексте. Материалом настоящего исследования послужило оригинальное, т. е. на немецком языке, стихотворение Райнера Марии Рильке “Wir sind nur Mund”, написанное им в 1923 году.

*Wir sind nur Mund. Wer singt das ferne Herz,
das heil inmitten aller Dinge weilt?
Sein großer Schlag ist in uns eingeteilt
in kleine Schläge und sein grosser Schmerz
ist, wie sein grosser Jubel, uns zu gross.
So reissen wir uns immer wieder los
und sind nur Mund. Aber auf einmal bricht
der grosse Herzschlag heimlich in uns ein,
so dass wir schrein, –
und sind dann Wesen, Wandlung und Gesicht.*

Поводом к рассмотрению именно этого художественного произведения стало бытующее мнение о трудности его смыслового понимания. “Wer meint in der Sprache die wesentliche Voraussetzung für eine adäquate Erfassung der Welt sehen zu müssen, in der Sprache eine Voraussetzung zur Erkenntnis sehen will, ist eigentlich ein lächerlicher Spieß, so lächerlich, dass er diese Verse von Rainer Maria Rilke nicht verstehen wird” [1].

Исследование велось в рамках когнитивной лингвистики. Вопросы, связанные с соотношением сознания, мышления и форм их представления в языке, по-новому преломляются в рамках когнитивной лингвистики. Это научное направление лингвистики, появившееся в середине XX века, рассматривается, по словам И. Г. Ольшанского, как “область науки, направленная на описание и объяснение ментальных языковых структур и процессов, причем главной задачей этого направления является исследование параллельного взаимодействия между репрезентацией и обработкой языкового знания” [1, с. 85]. Лингвистика “оказалась одной из главных в когнитивном пространстве, а язык стал рассматриваться как определенный когнитивный

процесс, суть которого – переработка информации” [2, с. 48]. Когнитивная лингвистика занимается вопросами, связанными с проблемами методологии, когнитивными аспектами лексики и грамматики, номинацией и словообразованием, концептуализацией, природой концепта и т. д.

Для выявления и, по возможности, разрешения переводческих задач сопоставимости был использован когнитивный подход. Когнитивный подход подразумевает исследование текста с учетом авторской интенции и специфики восприятия текста читателем. Под когнитивной обработкой текста имеется в виду репрезентация познавательной деятельности человека. Всякий текст, а поэтический особенно, состоит из когнитивных структур (концепты, фреймы и т. п.), которые служат отправным моментом при порождении текста и конечной целью при его восприятии. Переводческий анализ текста, как один из первоначальных этапов переводческой деятельности, благодаря когнитивному подходу, может позволить установить авторский код смысловых образов.

Известный переводчик В. Г. Куприянов отметил, что “переводов Рильке на русский язык множество, пожалуй, ни один иноязычный поэт не представлен столь многочисленными вариантами одного и того же текста [3]. Так, например, филологи-германисты из Магадана Р. Р. Чайковский и Е. Л. Лысенкова в 1996 году выпустили сборник, где прокомментировали 20 переводов только одного стихотворения Р. М. Рильке – “Пантера”. Мы также предлагаем ознакомиться с двумя найденными переводами. Автором первого текста является А. А. Леонтьев (1936–2004), профессор, доктор филологических и психологических наук, бывший профессор факультета психологии Московского университета, академик Российской академии образования. *Мы – лишь язык. Мы все осуждены // жить жизнью слова. Мы не слышим пенья // в душе вещей. На мелкие биенья // удары сердца в нас раздроблены. // Нам боль и ликование его // покамест недоступны. Оттого // мы – лишь язык. // Но наступает час – // и в сердце слышится набат нежданный, // и мы кричим от боли странной... // И видим: новый мир открылся в нас.*

Другой переводной текст принадлежит переводчице А. Алексеевой: *Мы лишь уста. Кто воспоёт юдоль горнего Сердца – сути всех вещей? // И нет его биения сильней. Частицы – в нас. Его большая боль и // ликование нам велики. И вновь, и вновь, мы рвёмся на куски, и – лишь уста. // Но Сердце вдруг собой наполнит биением большим, и мы кричим, – // являясь, ликом, сутью и судьбой.*

Однако, для анализа нами выбран лишь перевод В. Г. Куприянова, который приводится далее построчно в сопоставлении с авторской версией.

Основой авторского текста является образ сердца, репрезентированный в оригинале лексемой Herz, а в переводном тексте эквивалентной лексемой сердце. По существу, в любом случае переводческого сопоставления происходит изучение реализованных в речи слов. Исходя из основной задачи переводчика, которая заключается в сохранении авторских образов, сопоставим шаг за шагом наполняемость образа сердца в обоих текстах.

<i>Wer singt das ferne Herz,</i>	<i>Кем воспета даль,</i>
<i>das heil inmitten aller Dinge weilt?</i>	<i>где сердца всех вещей единый звон?</i>

Образ сердца появляется и начинает складываться со вторых предложений, которые синтаксически одинаково оформлены по цели высказывания как вопросительные и к тому же являются сложноподчинительными. Однако, в русском варианте наличествует определительная придаточная часть, которая относится к имени существительному в главной части “даль”, связываясь с ним союзным словом где, тогда как в авторском тексте придаточное предложение вводится определительным местоимением *das* (букв.: *которое*), которое относится к существительному главного предложения и согласуется с ним в роде, числе и падеже, это имя существительное *das Herz*. Таким образом, в предикативных частях, как главного, так и придаточного предложений появляются в русском варианте первые расхождения по форме и, соответственно, содержанию. В авторском варианте акцентируется признак местонахождения сердца, причем конкретно, без эмоциональных характеристик, используются: наречие *heil* (букв.: *четко, точно*), глагол *weilen* (букв.: *находится*), предлог родительного падежа *inmitten* (букв.: *посредине*). Общеизвестно, что идея сердца как центра имеет древние корни во всем мире. Ср. корни русских слов сердце, сердцевина, середина, середина. Единственным выразительным приемом можно считать употребление эмоционально-окрашенного эпитета *fern* (который в русском варианте был преобразован в самостоятельное имя существительное) к существительному *das Herz*. Данный атрибут своим значением (букв.: *далекий, отдаленный, удаленный от глаз*) служит конкретизации признака местонахождения сердца. Как можно заметить, в русском варианте признак местонахождения сердца не прочитывается в полном объеме.

Третье предложение продолжает раскрывать содержательный образ сердца признаком вида или рода деятельности, работы.

Sein großer Schlag ist in uns eingeteilt Его удар внутри нас разделен
in kleine Schläge. на ровный пульс.

Признак работы сердца характеризуется механическим видом, так как в семантике и русских слов удар, пульс и их немецких эквивалентов *Schlag, Schläge* присутствуют семы механической причины возникновения. Причем данный признак сопряжен с перцептивной характеристикой звука и дополнен качественной характеристикой размера *klein* (букв.: *маленький, мелкий*), *groß* (букв.: *большой, великий*). Данная характеристика присутствует только в оригинальном тексте.

Und sein grosser Schmerz Великая печаль,
ist, wie sein grosser Jubel, uns zu gross восторг великий велики для нас.

Следующее предложение является ключевым, на наш взгляд, так как характеризует образ сердца как вместилище положительных и отрицательных эмоций, от печали до восторга в русском варианте, а тексте-оригинале это *Schmerz* (букв.: *боль*), *Jubel* (букв.: *восторг, ликование*). Надо отметить наличие, как в оригинале, так и в переводе одинаково выраженной характеристики величины сердца-вместилища. В тексте на русском языке с помощью прилагательного *великий* в вариантах, в авторской версии прилагательным *gross*. Притяжательное местоимение *sein* усиливает наличие посессивной связи

емоцій с серцем. В переводчеському варіанте відсутствует это добавочное указание на органічеськую, фізичеськую зв'язь емоцій и серця.

Надо заметить, что в целом перевод можно считать адекватным. Однако следует обратить больше внимания на специфичность изобразительных образов в тексте оригинала. В дальнейшем возможен анализ адекватности и эквивалентности исходного текста “Wir sind nur Mund” и переводного текста на примере других образно тематических групп. Как заметил сам переводчик, “то, что выходит в результате, особенно в случае с таким автором, как Рильке, редко может претендовать на адекватность” [3]. Адекватная интерпретация авторського видення, созданных им образов предстает процессом, не ограничивающимся областью языка, а охватывающим иные сферы когнитивной деятельности и читателя и переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ольшанский И. Г. Текст лекций по сопоставительной лексикологии / Иосиф Григорьевич Ольшанский. – М. : Наука, 1986. – 88 с.
2. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пьер Тейяр де Шарден. – М. : Наука, 2001. – 232 с.
3. Куприянов В. Г. Предисловие к “Избранным стихотворениям” [Электронный ресурс] / В. Г. Куприянов. – Режим доступа : <http://stihi.ru>
4. Italienischen gerundio [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.italienisch-lehrbuch.de

ПОЛІТИЧНИЙ РОМАН ЯК АРЕНА ДЛЯ РЕАЛІЗАЦІЇ ПЕРЕКЛАДАЦЬКИХ СТРАТЕГІЙ

ІВАННІКОВА Я. В.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Без сумніву, німецький політичний роман сягає вершин письменницької майстерності. Він представляє цінність не тільки сам по собі, але і як явище світової літератури, як культурний феномен. Переклад будь-якого з політичних романів стає викликом для перекладача. Помилитися тут, допустити неточність з необхідністю означає втратити план, порушити ритм оповіді, спотворити образ, привнести зайві асоціації, зрештою, викривити думку, що її так ретельно розгортає автор. Додамо, що перекладачу слід враховувати, що німецький політичний роман належить до роману інтелектуального, такого, який вимагає від читача високого рівня освіченості; отже, перекладач мусить утримуватись від спокуси спростити текст, полегшити читачеві роботу над матеріалом, хоча б із метою донести твір до ширшої аудиторії. Влучне одомашнення, яке було б доречне при перекладі художнього тексту, може виявитись неприйнятним.